

«Городок» для двоих

Веч. Москва. — 1999. — 11 нояб. — с. 11

Эти двое встретились в городе революций, чтоб поиграть в городки, нет, в «Городок». Произошло это семь лет назад, когда один из них был эстрадным артистом, а второй — театральным. Дуэт Ильи Олейникова и Юрия Стоянова оказался весьма органичным, ведь даже дни рождения у них совпадают с точностью до дня. Однако телевизионный союз не мешает Стоянову и Олейникову оставаться совершенно разными людьми, что и доказал корреспондент «TV-Текста» Михаил Темаш, взяв интервью у каждого по отдельности.

Юрий Стоянов: «Я добровольный член парного рабства»

ТТ: Вам не кажется, что «Городок» стал своеобразным винтиком, который существует, чтобы поддерживать популярность одного телеканала?

Ю.С.: Как может «Городок» являться винтиком этой системы? Хотя, может быть. Грубо говоря, я — руководитель Российского телевидения, для чего мне нужен «Городок»? Мой канал будет смотреть, если на нем присутствуют сильные развлекательные программы. Он будет вызывать доверие зрителя, и автоматически, возможно, это доверие перенесется и на более слабую сторону этого канала, на новостийную. В этом смысле мы, вероятно, винтики. Но вот в какой механизм вставили этот винтик, от нас не зависит. Мы сшили брюки и продали их, и как продавцы не имеем права спрашивать: извините, пожалуйста, нас очень интересует, кто купил наши брюки, кто в них ходит? Хотелось бы, чтобы эти брюки носил очень хороший человек.

ТТ: Ну а цензура, касалась ли она когда-нибудь «Городка»?

Ю.С.: В программе никогда не было каких-либо изменений, цензуры. Передача выходит такой, какой мы ее отсылаем на РТР. Я не могу этого не отметить. Со стороны канала существует максимальное доверие к передаче. Я не помню самовольного вмешательства в программу, и перемонтажа не было никогда в жизни. Ни разу за 7 лет. А вот внутренняя цензура существует, вкусовая. Приведу простой пример. Передача «День закрытых дверей» была снята, но еще не до конца смонтирована в самых первых числах сентября. Потом происходит трагическое событие в Москве, и я вижу, что один сюжет после этого начинает выглядеть очень странно — «Я горец». Там происходит такой диалог между милиционером и торговцем кавказской национальности: «Я тебя гнал отсюда? Гнал, — говорит милиционер торговцу помидорами. — Я в тебя стрелял? Стрелял. Я тебя бил? Бил. Я тебя топил? Топил. Почему же ты опять здесь?» «Меня убить нельзя, потому что я бессмертный», — отвечает ему кавказец. «Почему ты бессмертный?» — спрашивает милиционер. «Почему-почему? Потому что я го-о-орец!!!». И дальше титр: «Художественный фильм «Горец»: смотрите на базарах страны». Это была всего лишь пародия на фильм «Горец». Но в данной ситуации это вдруг стало кощунством, потому что прошло два дня, как взорвали дом в Москве. И что я делаю? Вставляю в мизансцену фразу: «Памидор, памидор, покупайте памидор, свежий, спелый, г р у з и н с к и й памидор». По-другому поступить совесть не позволяет.

ТТ: Ну это конкретный трагический пример, а если говорить о принципах — в чем внутренняя цензура для вас заключается?

Ю.С.: В подаче, в корректности. Я всегда говорил, есть какие-то пределы допустимого в использовании скрытой камеры в этой стране. Нельзя подбрасывать «сникерс» и смотреть, как нищий человек его хватается, нельзя алкоголь подсовывать бутылку водки, нельзя смеяться над инвалидами и издеваться над ветеранами и т.д. — это то, на чем мы воспитаны. Есть вещи, над которыми нельзя смеяться — не потому, что это запрещено, просто совесть не позволяет. Это вопрос не программы «Городок» и даже не жанра.

ТТ: Последняя работа в фильме Астрахана «Алхимики». Вы там снимались, как...

Ю.С.: ...как актеры, снимающиеся в кино. Ну, если не дали мне Гамлета сыграть, что ж делать-то. Вопрос, почему нас не снимали, — это вопрос не к нам, а к тем, кто не снимал. Я как режиссер понимаю, почему нас не снимали, я бы нас тоже не снимал. Во-первых, за нами — шлейф, с которым режиссеру нужно бороться. Режиссер снимает сложную драматическую историю, и в ней появляется человек, образ которого у зрителя уже сложился. Олейников для зрителя — человек-усы, смешной, вызывающий улыбку. А мне надо людей сосредоточить совершенно на другом. Во-вторых, мы — пара, когда появляется один, возникает вопрос: где второй? Это уже как бы запрограммировано в зрительском восприятии. Почему мы участвуем в «Алхимиках»? Сценарий, с одной стороны, давал возможность нам вдвоем себя проявить, а с другой стороны, было нечто большее: возможность сыграть не 26 образов за 26 минут, а один за 1,5 часа. При этом надо остаться смешными и интересными зрителю не калейдоскопом переодетых. Для нас эта задача новая, как ни странно, и довольно сложная. Мне было это интересно, потому что все-таки саморежиссура, которая присутствует в программе «Городок», — у меня по отношению ко мне — разрушительна. Возникает совершенно естественный дефицит, необходимость в том, чтобы кто-то занялся тобой. Перенести режиссерскую ответственность на того, кто этим должен заниматься. Ты ничем не прикрыт, никакой компьютерной графикой, быстрыми переходами, быстрыми сюжетами, только своим телом. Но — рядом все равно есть партнер, это не парочка в данном случае — Шерочка с Машерочкой — это два персонажа одного фильма, в котором кроме них действует большое количество людей. Нам очень понравился сценарий. Понравилась эта история — странная, написанная во времена Шекспира, конечно, перепищенная сценаристом Даниловым. История, которая позволяла не только валять дурака, но и быть иногда грустными.

ТТ: Не возникала ли у Вас мысль превратить «Городок» в телесериал — вроде «33 квадратных метров» ОСП-студии?

Ю.С.: Нет, не возникала никогда. Мы должны все время заставлять зрителя бежать вместе с нами. Почему так быстро пролетает передача?

ча? Просто мы не даем зрителю расслабиться. Я не хочу в программе «Городок» размеренного, спокойного и высокотехнологичного сюжета. Мне это не интересно. Для этого существует кино.

ТТ: Но все-таки вас в кино пригласили как телевизионных звезд конкретной программы?

Ю.С.: Ты имеешь в виду, что существует доминанта слова «Городок» и «приговоренность» к паре? Я это так не воспринимаю. Если есть попытка самореализоваться вне пары, она абсолютно нормальна. Мне доставляет кайф осознание того, что я — абсолютно самостоятельный, свободный, независимый, но добровольный член этого парного рабства.

Илья Олейников: «Мы хохмим над фигурами, проверенными временем»

ТТ: С какими мыслями работаете в седьмом сезоне программы «Городок»?

И.О.: На телевидении бытует мнение, что юмористическая передача через какое-то время становится скучной и уходит с экрана. Мне кажется, что оно ошибочно, потому что «Городок», без сомнения, если не набирает обороты, то, во всяком случае, не стоит на месте, не падает вниз. И пользуется успехом везде. Пока проект находится в таком состоянии, у нас нет других планов. Строить их — это как держать в руках большой красивый бриллиант и думать о бриллианте еще больших размеров, который ты вряд ли найдешь.

Глобальных планов развития «Городка» на будущее, конечно, нет. Каждая программа начинает рождаться в момент, когда сдана предыдущая.

ТТ: В последнее время вы много гастролируете за рубежом. Какие впечатления?

И.О.: Раньше, когда люди эмигрировали из СССР, для них обратной

дороги не было. Я помню, моя сестра уезжала в Израиль, мы с ней прощались так, как будто никогда больше не увидимся. Сейчас, когда информационное пространство у нас одно и то же, они выезжают во все, над чем мы шутим. Вот потому-то и отсутствует ощущение заграничности.

ТТ: Вас не часто увидишь на модных ныне тусовках с участием политиков...

И.О.: Мы дистанцируемся не только от политики. Мы как две кошки, которые живут сами по себе. Может, это самоуверенность, но нам кажется, что мы не менее значимые фигуры, чем те или иные политики. Почему мы должны к ним? Пусть они к нам тянутся.

ТТ: Ну а как же гражданская позиция?

И.О.: Гражданская позиция у всех одна — мы живем в дерьме. Просто мы работаем, и если бы все так работали, то Россия уже давно бы стала страной развитого капитализма. Мы делаем программу «Городок», у нас есть желание и возможности делать ее хорошо. К сожалению, у большинства людей в нашей стране нет ни желания, ни возможности делать свое дело хорошо. Просто мы живем в стране, которая существует чисто номинально. Увы, но в данный момент Россия — лишь географическое понятие.

ТТ: Почему в вашей программе почти нет шуток по поводу современных политиков?

И.О.: Потому что всякая шутка над политиком, ушедшем в тень, теряет актуальность. А хочется делать передачу, которую повторно можно будет показать и через год и через три. Мы хохмим над фигурами, проверенными временем. Брежнев и другие знаковые фигуры становятся персонажами анекдотов и героями нашей программы. Но Ежов или Ягода вряд ли станут таковыми.

ТТ: В Санкт-Петербурге открылось кафе «Городок», скоро появятся одноименные пищевые продукты. Вас не смущает тот факт, что «Городки» слишком быстро тиражируются?

И.О.: Ну вас же не смущает, когда Сталлоне и другие открывают по всему миру сеть ресторанов «Планета Голливуд».

ТТ: Но то Запад...

И.О.: Да, поэтому мы не открывали кафе «Городок» в Вашингтоне, а открыли его в Питере. Это мы сделали прежде всего для себя. В кафе будут приходить люди, которым мы нравимся, и нам это приятно. Они не могут с нами пообщаться лично, но зато там крутятся кассеты с записью программ и атмосфера такая же, как в нашей студии. Мы приводим туда людей и показываем: видите, как мы круто встали на ноги, мы уже имеем телекафе, правда, оно к нам отношения не имеет. Мы еще не прочь были бы иметь свое пиво или парфюм.

ТТ: А что еще в «Городке» для души?

И.О.: У нас с Юрой разные тела и разные души. Кафе «Городок» для души. Дом, который я себе построил, — тоже для души. Да и сам «Городок» создавался для души. Мы просто не знали, во что это выльется. Когда мы «Городок» создавали, то хотели заполнить вакуум, заткнуть в своеобразную норку. Потом, правда, эта норка расширилась до масштабов всей страны.

ТТ: А что за дом, который вы построили?

И.О.: Дом — это песня. Я всю жизнь мечтал о приличном жилище. Для меня стояла задача построить дом. Дом, не просто дом, а дом — Родину. И я его, или ее, построил.

ТТ: Что скажете о творчестве сына (Денис Клявер — один из солистов поп-дуэта «Чай вдвоем» — ТТ)?

И.О.: Я был на последнем шоу в Мюзик-холле и увидел двух абсолютных профессионалов, которые в течение 1 часа 40 минут вживую держали зал в своих руках. И мне, не скрою, было приятно, а уж о нашей мамочке, Ирочке, и говорить нечего.

